

**ГНОСЕОЛОГИЯ И ОНТОЛОГИЯ ИОНИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ
С ПОЗИЦИЙ ПРОБЛЕМНОГО ПОДХОДА ***

На сегодняшний день существует колоссальное количество интерпретаций сохранившихся от досократической философии фрагментов, текстов и учений. Между этими интерпретациями порой трудно сделать выбор в пользу одной или другой, более или менее адекватно отражающей подлинное положение вещей, тем более, что сами источники не в состоянии этот выбор каким-то образом направить. В такой ситуации, и во многих других областях исследований, связанных с античными периодами истории, превалирующее значение имеет все-таки не источниковая база, а методология, на которую опирается изучение этих источников.

В качестве методологической основы для изучения древнегреческой философии несколько лет назад был предложен так называемый проблемный подход¹. Позволим себе кратко повторить те основные принципы, которые лежат в основании проблемного под-

хода в отношении его применения к философии досократиков.

Исходный тезис проблемного подхода утверждает, что постановка любой философской проблемы всегда является рациональным актом, философские концепции древнегреческих философов понимаются нами как рационалистические по преимуществу, и рациональность является специфической чертой построения досократиками своих философских концепций. Более того, философские концепции досократиков базируются на условии познаваемости мира и в целом направлены против агностицизма.

Первое положение, на котором мы остановимся, может показаться тривиальным и очевидным, но на деле зачастую интерпретаторами упускается из виду, либо не кажется им важным. Следует различать проблемы, сформулированные исследователем или интерпретатором античной философии, и проблемы, поставленные и решаемые тем или иным

* Работа выполнена при финансовой поддержке программы грантов президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект МК.2020.2005.06).

¹ В качестве методологии проблемный подход был предложен М. Н. Вольф и И. В. Берестовым в ряде публикаций. Данный подход апробировался преимущественно в Сибирском отделении РАН (на научных конференциях и семинарах, в публикациях). Укажем некоторые публикации из числа вышедших: *Вольф М. Н., Берестов И. В.* Проблемный подход к истории древнегреческой философии // *Образ гуманитарных и социальных исследований в XXI веке: Материалы регион. науч. конф. молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2004. С. 55–61; Они же.* Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии как способ выявления специфики ее рациональности // *Вестн. Самар. гос. ун-та. 2004. № 3 (33). С. 29–36; Они же.* Рационалистичность философских

концепций как основание историко-философского процесса в античности // 14 Международная конференция молодых ученых «Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы» (28 декабря 2005). СПб., 2006; *Они же.* Проблемный подход как историко-философская методология // *Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований: Материалы регион. науч. конф. молодых ученых Сибири...* Новосибирск, 2006. С. 89–95; *Вольф М. Н.* Условия применимости проблемного подхода к философии досократиков // *Наука и философия в Сибири как фактор интеллектуального могущества России в эпоху глобализации: Сб. науч. тр. Летней философской школы «Голубое озеро – 2005».* Новосибирск, 2005. С. 15–17; *Берестов И. В.* Возможные отношения между онтологией, гносеологией и аксиологией // *Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы регион. науч. конф. молодых ученых Сибири...* Новосибирск, 2006. С. 95–100; и ряд других публикаций.

греческим философом. Иными словами, если мы будем говорить о существовании проблемы «единое-многое» или «покой-движение», то это очевидно, проблемы, сформулированные для себя интерпретатором в качестве некоторой структурной базы исследования греческой философии. В таком ключе удобно и легко структурировать философские учения античности и задавать некое центральное ядро, вокруг которого располагать учения (это своего рода альтернатива хронологическому видению греческой философии); именно таково видение проблем в статье В. П. Горана [2003]. На уровне формулировки проблем античными философами у нас начнут возникать трудности. Дело в том, что как правило, – и здесь сказывается особенность текстовой базы – отыскать или реконструировать то положение, которое принимал философ античности в качестве исходной проблемы, которую намеревался решать, мы зачастую не в состоянии. И чаще всего не потому, что проблема не сохранилась, а потому, что ее отшлифованной, конкретной формулировки на данном этапе развития философии попросту не существовало. Сразу отметим, что этот факт является характерной особенностью досократической философии. С другой стороны, решения проблем, из которых мы сами должны вычленить исходную проблему, во фрагментах очевидны, на основании этих решений можно реконструировать и саму проблему. На этом этапе весьма важно помнить вышеупомянутую разницу и не смешивать проблемы, которые могут быть *сформулированы интерпретаторами*, и те, которые мог бы *сформулировать философ античности*. Они при любых обстоятельствах будут существенно различаться.

Второе положение вытекает из первого. Именно потому, что мы сказали выше, приоритет отдается все-таки не постановке (формулировке проблемы), а ее решениям, причем с учетом решений, предложенных современниками (в том числе и поздними современниками) философа, на основании которых условно можно сделать заключение о том, какова была проблема. Только так можно ясно очертить проблемное поле, и это не размывает границы проблем, но, напротив, позволяет уточнить их содержание.

Третье положение. Из отношения формулировок проблем и их решений складываются и две структурные составляющие проблемного подхода, которые задают принципиально раз-

личное отношение как к тем или иным концепциям с позиций их интерпретации, так и результаты, к которым они приводят. Это – историческая и логическая составляющие проблемного подхода. Если историческая отдает приоритет скорее указанию на проблему, не стремясь облечь ее в форму четкой и, желательно, аутентичной формулировки, работая преимущественно с комплексом исторических решений этой проблемы, то логическая составляющая, напротив, отдает приоритет отысканию либо заданию формулировок, обеспечивая исходный фундамент, набор проблем философии в их четких формулировках. Для реконструкции содержания доктрин досократиков более подходит историческая составляющая подхода.

И, наконец, проблемы, которые стояли перед греческими философами мы можем разделить на три блока, а именно: онтологические, гносеологические и аксиологические. Иными словами, содержание тех или иных античных философских концепций исчерпывается этими тремя блоками проблем, причем свести к одному из них или ограничить им философскую концепцию невозможно. Если мы ограничимся только онтологией или только аксиологией, то – и это справедливо в отношении философских концепций античности – это будет означать, что интерпретация той или иной концепции будет неполной. Исходя из признания этих проблем в совокупности в концепциях досократиков и их взаимосвязи, реконструируя эти концепции, мы в итоге получаем более объемную и мозаичную картину содержания того или иного учения, чем если бы подразумевали в нем только онтологическое или гносеологическое содержание. Итак, гносеологическая, онтологическая и аксиологическая проблематики взаимосвязаны, и попытки однозначной интерпретации того или иного учения как сугубо онтологического (космологического) – что часто делается в отношении досократиков – оказываются неполными и отрывочными. Более того, когда употребляют понятие «онтология» в отношении досократиков, зачастую используют разные смыслы этого слова [Вольф, Берестов, 2006]. Но чаще всего под онтологией понимают любые утверждения о существовании чего-либо или любые определения сущего, независимо от того, насколько эти утверждения аргументированы или обоснованы, стоит за ними какая-либо «теория сущего» или нет. Утверждение о

существовании, не подкрепленное аргументацией или теорией, назовем *экзистенциальным требованием* – нечто существует постольку, поскольку оно может стать предметом обсуждения, дискуссии и пр. Онтологический статус обсуждаемого предмета в данном случае не важен. По всей видимости, это стандартный ход для любого возможного рассуждения, и потому делать его основанием для построения какой-либо философской концепции именно в таком виде нельзя. Иными словами, экзистенциальное требование носит пропедевтический, вводный характер для построения концепции. В частности, даже скептикам, прежде чем выразить сомнение относительно чего-либо, приходится исходить из признания существования того, относительно чего будет высказано это сомнение. Разумеется, существование в данном случае не подразумевает какого-либо онтологического статуса.

Поскольку в доктринах ионийских философов значительно легче обнаружить теорию познания – будь то опора на восприятие, наблюдение и опыт и последующие этому опыту теоретические интерпретационные схемы (милетская школа) или разграничение чувственного и рационального в познании (Гераклит), чем теорию сущего, а понимание сущего и способа его существования зависит в первую очередь от того, допускает оно чувственное восприятие или рациональное постижение, то для реконструкции философских доктрин ионийского направления наиболее адекватным будет тот подход, который, учитывая экзистенциальное требование и взаимосвязь онтологического и гносеологического проблемного поля, будет ставить акцент или исходить из теоретико-познавательных взглядов ионийских философов.

Таким образом, проблемный подход к досократической философии означает признание любой философской проблемы рациональной, подразумевает четкое разграничение тех проблем, которые поставлены досократиками или их исследователями, притом приоритет должен отдаваться решениям проблем в их исторической перспективе, что означает ориентацию на историческую составляющую проблемного подхода. На данном этапе исследования мы остановились на реконструкции гносеологического и онтологического блоков проблем и их взаимосвязи (пока не касаясь аксиологического проблемного поля) и исходили из того, что утверждения о существовании (вплоть до

формирования элейской школы) у досократиков являются пропедевтическим экзистенциальным требованием для конструирования любой философской доктрины и не означают базовой онтологии. В основании же концепций досократиков лежат исходные теоретико-познавательные установки. Такова была методология, которая позволила провести следующую реконструкцию гносеологического и онтологического проблемного поля ионийской философии.

Как мы отметили выше, в основании концепций досократиков находится базовый познавательный метод и его обоснование, иными словами, некоторое эпистемологическое содержание. Эта эпистемология может определяться как связь позиций «как познавать», и ответом на этот вопрос будет конкретный познавательный метод, и «что вообще может быть таким образом познано», что как правило подразумевает познание вещей (сущих).

Первым в ряду ионийских философов Фалес задает проблему (которую современные интерпретаторы именуют проблемной единого-много), положив в основание теоретико-познавательных взглядов тезис о том, что множественность неприемлема в качестве основания для познания вещей, и одновременно тем самым задает направление для развития онтологической проблематики в аспекте разграничения существующего и его начала. Познание сущего возможно только опосредованно, через познание способа существования его, сущего, начала. Милетская школа в целом остается в рамках эмпирического познания с опорой на восприятие, притом рациональное конструирование нацелено не на описание умопостигаемых объектов, а на схематизацию универсума и сведения его познания до уровня эмпирической ясности (например, расстояния между двумя удаленными светилами, как и расстояния между двумя земными объектами, вполне могут быть измерены и схематизированы). Ксенофан в свою очередь задает рамки или границы познаваемости, утверждая, что ни на ощущения, ни на разум полагаться невозможно. Какое бы решение той или иной проблемы не было предложено, оно будет только ситуативным и лишено истины, т. е. ни в коем случае не абсолютным. Тем самым Ксенофан не только четко формулирует проблему, но и рационально абсолютизирует проблемность, поскольку сформулированная им проблема не имеет рационального решения

не в силу свойств универсума, а в силу недостатка познавательных средств.

Таким образом, видно, что ко времени создания Гераклитом собственной философской доктрины эпистемологическое проблемное поле определенным образом сформировалось и ему было задано конкретное направление развития. Именно Гераклит предлагает первое возможное решение этой проблематики посредством формирования теории познания. В первую очередь, он предлагает четкий метод познания, представляющий собой конкретную познавательную пятиступенчатую схему. Эпистемологическим основанием для построения Гераклитом своей теоретико-познавательной системы послужили понятия «явное» и «скрытое», они же явились исходными для последующего деления бытия на умопостигаемый и чувственно воспринимаемый уровни. Процедура выявления умопостигаемого, а вместе с этим и критерии истины, задаются через иерархическую систему от восприятия к умопостижению и познанию вообще. Эта система содержит пять ступеней: чувственные восприятия как таковые; формирование знания на основании чувственных восприятий; рефлексия, или осмысление предыдущего этапа; инструмент самопознания, который представляет собой обратную связь посредством логоса, поскольку логос как источник подлинного знания открывается и звучит только внутри человека. Если полученные от органов чувств и рационально осмысленные данные совпадают с тем знанием, которое получено от логоса, то тем самым можно убедиться, что знание является подлинным, и пройдя все эти четыре этапа, овладев всеми способами познания в совокупности, человек приобретает, во-первых, способность слышать логос, а во-вторых, приблизиться к мудрости и тем самым понимать услышанный логос. Если это не так, то следует вернуться к первому этапу познания. Процесс познания у Гераклита связан с необходимостью доказательства или подтверждения и понимается как переход от неочевидного к доказанному или от скрытого к явному.

Но явное-скрытое – это только одна из трех возможных пар противоположностей, которые составляют каркас теоретико-познавательной схемы Гераклита. Противоположности традиционно и правильно понимаются как характеризующие суть его онтологии. Тем не менее некоторые из них в одном из своих аспектов (а именно как познавательные категории, за-

дающие условия для познания мира: явное-скрытое, единое-многое, общее-особенное) характеризуют и суть гераклитовской гносеологии. На уровне этих категорий хорошо видна взаимосвязь гносеологического и онтологического блоков проблем, поскольку каждая из этих категорий имеет как гносеологическое, так и онтологическое содержание, с одной стороны, оказываясь условием познания, а с другой – описательной системой для мира. Они несводимы друг к другу, но в онтологическом плане позволяют описывать разные аспекты вещей, и в первую очередь взаимоотношение вещей с началом, как и разные стороны представлений о самом начале. Перечисленные категории-антитезы не взаимозаменяемы, но взаимосотносимы: через одну из них легко уточнить содержание другой: именно так общее (как, например, разум) будет критерием для явного, а частное – для неявного, и именно посредством перевода неявного в явное через достижение общего возможно постижение истины, особенное соответствует ложному, общее истинно. В онтологическом плане одна из составляющих антитез – *одно, общее, скрытое*, характеризует начало, другая – *все, частное, явное* – сущие вещи, и то и другое неразрывно связано друг с другом.

Что касается онтологического проблемного поля, то основной вопрос, которым задавались философы на этом этапе, не о том, что такое сущее, а как отличить существующие вещи от начала вещей и каковы свойства, характеристики начала сущего. Милетцы, вопреки некоторым взглядам, нигде не говорят о вещах как таковых, не определяют их статус как сущего, но исходя из их доктрин становится ясно, что понять, каковы вещи, можно, только если исходить из характеристик порождающей их субстанции. Само начало понимается как принципиально отличное от сущего и уже у Фалеса, а вслед за ним и Анаксимандра, имеет три основных характеристики: управляющее начало, материальное начало и инструментальное начало. Гераклит, помимо характеристик начала, более четко задает структуру сущего, и задает ее через противоположности как способ описания космологии универсума. Но его схема весьма сложна, в ней нет однозначности ни в понимании начала, ни в понимании сущего и тем самым, проблема, с одной стороны, находит решение, а с другой стороны, актуализируется и передается элеатам. Таким образом,

хорошо видно, что и в области гносеологии, и в области онтологии Гераклит не отвергает предшествующие наработки, не предлагает ничего принципиально нового, его действия направлены на разрешение внутренних противоречий милетских взглядов на начало посредством использования концепции противоположностей. Иными словами, он решает проблемы, поставленные милетской школой, а его собственное решение этих проблем не представляется удачным элеатам, что в свою очередь способствует формированию нового направления в философии.

Итак, в рамках онтологии в основу разрешения противоречий между пониманием начала и сущего Гераклит ставит свою концепцию противоположностей, «все есть противоположности». И если все вещи в совокупности есть набор многочисленных оппозиций, то для того, чтобы перейти к началу и его пониманию, Гераклит задает своего рода мета-уровень противоположностей или противоположности следующего, более высокого, категориального уровня, чтобы описать именно взаимосвязи и отношения между вещами и началом.

У Гераклита нет четко разработанной теории сущего, он продолжает развивать милетский взгляд на существующее как на «то что есть», уточняя это представление посредством различения уровней явного – того, что дано чувствам, и неявного, или умопостигаемого. Начало, несмотря на то, что представления о нем носят категориальный, умопостигаемый характер, тем не менее жестко привязано к космологии, как и у милетцев.

Традиционная интерпретация признает концепцию четырех элементов и у милетцев, и у Гераклита [Kahn, 1960; Hussey, 1999]. Но «теория» элементов, вероятнее всего, сформулирована перипатетиками на основании разработок гиппократовской школы, ионийские же философы, даже если и говорили о воде, земле, воздухе и огне, то в несколько ином ключе. В частности Гераклит называет три составные части космоса – море (вода), земля и престер. Престер – это все пространство между землей и небом, заполненное воздухом. Это описание естественных природных процессов, в первую очередь соответствующее описанию суточного цикла (аналогичный цикл усматривается некоторыми исследователями в учении Анаксимандра): утром солнце нагревает землю, высушивает росу, вечером земля снова охлаждается, и снова вы-

падает роса. Так, интерес Гераклита сводится не столько к космологическому процессу «перехода элементов» друг в друга, сколько к изменениям *в природе*. В основе всего лежит круговое движение, и изменения в природе происходят циклически, образцом природных изменений служат суточный цикл, о котором говорилось выше, и годовой цикл. Оба эти цикла зависят от движения Солнца, а Солнце правит космосом в соответствии с установленными сроками. Важно в этой связи отметить, что изменения в природе совершаются не только в соответствии с суточными или годовыми циклами: есть еще более пространственный цикл, который, скорее всего, может быть отождествлен с Великим годом (18 000 солнечных лет), который тоже связан с обращением Солнца. Поворотные точки этого года именуются экпирозой и диакосмезой. Сам Гераклит говорит только об избытке и недостатке, при этом наиболее распространенная интерпретация, восходящая к стоикам, сводит и нужду, и избыток к проявлениям космического огня как к воспламенению (экпирозе) и угасанию (диакосмезе) этого огня. Гераклит объединяет все рассмотренные циклы в единую соподчиненную систему: суточный цикл, годовой, затем цикл «война-мир» – это нечто иное, как «круговорот вещества», а смысловым аналогом пары «избыток-нужда» является Великий год. Все упомянутые пары следует понимать как указание на структуру космологических изменений, или космологию в собственном смысле, это своего рода обобщение представлений о множественности циклов, которые являются основой функционирования универсума. Все эти циклы подчинены единой управляющей силе, которую в принципе можно понимать и как божественную. Но если по отношению к видимому (чувственному) уровню можно утверждать, что все эти циклы связаны с движением солнца, то единая система этих циклов по совокупности управляется логосом. До сих пор мы не упоминали о роли огня в космологии Гераклита, хотя огонь, несомненно, понимается им как начало. Функция гераклитовского огня особенна: в явном виде он в космологии не присутствует («в чистом виде», таком как море, суша и воздушное пространство, в природе не встречается) и не прописан ни в одном из этих циклов, но в каждом из них он присутствует, выполняя своего рода медиаторную функцию: всякий раз человек спо-

собен зафиксировать не сам огонь, а только его «изменения».

Таким образом, космологический процесс мира сущего задается через схематичное отображение последовательных вложений природных циклов один в другой, а границей для этих циклов, их мерой и регуляторным механизмом является архэ, начало. Каждый из существующих циклов представлен определенным набором противоположностей, но на уровне начала эти противоположности стираются. Область начала может пониматься как мир вечного бытия, который лишен становления и движения, основные характеристики чувственного мира – противоположности, способ осмысления перехода от противоположностей к началу осуществляется через три категориальные антитезы. Чтобы понять единую и неизменную природу начала, следует понять, как происходят изменения в природе на уровне противоположностей. Таким образом, без осознания ритмов и структуры чувственно воспринимаемого мира, его текучести и циклических изменений в нем невозможно осознать единую и неизменную природу начала. Переход же от представлений о чувственном мире к представлениям о логосе должен быть задан последовательной схемой сопоставимых пропорций, которые в итоге приводят к двум основным космологическим противоположностям: вечному становлению и вечному бытию.

Такова реконструкция развития ионийской философии на основании проблемного подхода, которая позволяет выявить единство проблемного поля всей досократической философии, первый этап его формирования (на котором закладывается основная структура проблематики, актуальной на протяжении всего периода античной философии) и основные векторы его развития в направлении теоретико-познавательных и онтологических концепций.

Список литературы

Вольф М. Н., Берестов И. В. Проблемный подход как историко-философская методология // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований: Материалы регион. науч. конф. молодых ученых Сибири в области гуманитарных и социальных наук / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2006. С. 89–95.

Горан В. П. Ионийская философия: опыт проблемного анализа // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2003. Т. 1, вып. 1. С. 122–133.

Hussey E. Heraclitus // The Cambridge Companion to Early Greek Philosophy. Ed. by A. A. Long. Cambridge, 1999. P. 88–113.

Kahn Ch. Anaximander and the Origins of Greek Cosmology. N. Y.: Columbia University Press, 1960. P. 121–165.

Материал поступил в редколлегию 24.04.2006